ретические реконструкции, а это значит, что она перестанет быть философией.

Литература

1. Баранец Н.Г., Ершова О.В., Кудряшова Е.В. Конвенции и коммуникация в научном и философском сообществах. Ульяновск : Изд. Качалин Александр Васильевич, 2012.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О.А. Печенкина. Тула : Тул. полиграфист, 2013.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 2 : Философия природы. М. : Мысль, 1975.
4. Кундин А.В., Любушкина Н.М. NeoEsoteric. Современная эзотерическая наука. Киев : Альбион, 2011.
5. Плужникова Н.Н. Рецензия на монографию: Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивные науки: от познания к действию. М. : КомКнига, 2005. 184 с. // Социология знания и философия науки : сб. материалов Пятой науч. конф. (Ульяновск, 14–15 мая 2013 г.) / под ред. Н.Г. Баранец. Ульяновск : Изд. Качалин Александр Васильевич, 2013. С. 212–215.
6. Рокмор Т. Натурализм как антикантианство // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXII. № 4. С. 14–29.
7. Сухачев В.Ю. От идентичности сознания к семиотической связанности // Натуралистические концепции сознания : рабочие материалы конф. 24–25 мая 2013 г. г. Санкт-Петербург. СПб. : СПбГУ, 2013. С. 66–67.
8. Целиков Д. Откуда берутся видения при отключенном мозге? URL : http://compulenta.computerra.ru/chelovek/neirobiologiya/10006491 (дата обращения: 02.06.2013).
9. Юм Д. О человеческой природе. СПб. : Азбука, 2001.
10. Searle J. The Construction of Social Reality. N.Y. : Free Press, 1995.

Issue of consciousness in modern philosophy

There is considered the notion of consciousness in modern philosophy. There is represented the criticism of the naturalistic conceptions of consciousness, the analysis of which reflects some definite tendencies of modern science development, as well as reveals the role and meaning of post-modernism and esoteric practices in interpretation of the notion of consciousness.

Key words: *consciousness, brain, naturalism, post-modernism, neo-esoteric.*

Н.Н. ПОЛУЯН
(Киров)

ЭЛЕМЕНТЫ ФЕНОМЕНОЛОГИИ В КОНЦЕПЦИИ «ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ПОДСТАНОВКИ» А.А. БОГДАНОВА

Анализируются основные положения познавательного метода «универсальной подстановки», разработанного русским философом А. Богдановым в связи с феноменологической теорией «символической аппрезентации».

Ключевые слова: *А.А. Богданов, познавательный метод, подстановка, формальная логика, феноменология, А.Шюц, аппрезентативная связь.*

Александр Александрович Богданов (1873–1928; настоящая фамилия – Малиновский, другие наиболее известные псевдонимы – Максимов, Рядовой, Вернер) – практикующий врач-психиатр, философ, экономист, депутат Государственной Думы, полковой врач во время Первой мировой войны, писатель-фантаст, профессиональный революционер-большевик, создатель научного института переливания крови.

Несмотря на политическую дискредитацию, ценность вклада Богданова в медицинскую науку была справедливо и широко признана в России. Чего нельзя было сказать о его работах по социологии, политической мысли, теории социализма, философии. Конечно, творческое наследие Богданова очень велико, и в последнее время сделано немало в направлении осмысления, оценки и практического применения целого ряда его идей в различных отраслях знания. В данной статье нам бы хотелось, прежде всего, показать включенность, «вписанность» мыслительных конструкций русского философа Богданова в общий контекст развития мировой философской мысли. Для этого попробуем раскрыть значение и смысл его универсальной «подстановки» как одного из методов познавательной деятельности в связи с феноменологической теорией «символической аппрезентации».

Богданов рассматривает подстановку в качестве одного из методов познания, который используется людьми для приведения в стройную связь и порядок своего опыта, своих зна-

© Полуян Н.Н., 2013

ний. Помимо подстановки, к таким же «методам познания» мы можем отнести, например, формальную логику. Богданов представляет ее не более как «организационный метод» для приведения в систему человеческих мыслей, причем не самый удачный. Дело в том, что как в науке, так и в жизни мы можем найти массу примеров, где законы логики нарушаются самым беспощадным образом, буквально на каждом шагу. В качестве иллюстрации приведем самый обычный, житейский случай. Допустим, мы произвели оценку чьего-либо произведения и пришли к выводу о том, что данная книга наполнена богатым содержанием и оригинальными мыслями. Допустим далее, что эта оценка оказалась справедлива. Однако если мы хорошенько вдумаемся в то, что мы сказали, то на деле получим просто абсурд. Мы можем изрезать книгу на мельчайшие кусочки, рассмотреть их под сильнейшими приборами, разложить химически и т.д., но во всем, что составляет реальную вещь, мы не найдем ни малейшей мысли. Значит, мы смело приписываем мысли предмету, лишенному всякого сознания. Здесь отсутствует всякая логика, но мы, тем не менее, не будем отрекаться от своих выводов.

Мы видим, что логика не представляет собой чего-то абсолютного, возможны другие познавательные методы, которые в нее не вмещаются. Именно таким методом и представляется подстановка Богданова, явно выходящая за пределы законов логики.

Суть подстановки Богданов формулирует следующим образом: «Подстановка заключается в том, что один предмет или явление замещается для познания другим, реальным или мысленным. Например, <…> вместо белого луча солнца – сумма тех цветных лучей, на которые он разлагается призмой и т.п.» [1, с. 52]. В нашем же примере вместо произведения литературы «подставляются» те образы, мысли, настроения, которые оно вызывает в нас как в читателях.

В «Эмпириомонизме» в ходе анализа проблем подстановки Богданов описывает ее пять возможных типов, замечая, что необходимо различать в каждом из них как наивные, так и научные формы. Однако, на наш взгляд, все различия в формах подстановки можно свести к одному вопросу: насколько удачна и целесообразна для познания та или другая из них.

1. *Подстановка «психического» под «физическое».* Эта подстановка научна там, где психика подставляется под физиологию нервной системы (об этом мы говорили выше), под движения животных и отчасти, может быть, растений, а также свободных живых клеток. В одной из своих работ Богданов пишет: «Подстановка дает людям возможность понимать и взаимно предвидеть, а, основываясь на этом, – координировать свои действия. В известной степени она дает человеку такое же понимание и предвидение по отношению к животным, и – тем меньше, чем дальше отстоят они от людей по своей организации. В самой ничтожной степени то же относится к растениям» [2, с. 224]. Научна эта форма подстановки лишь постольку, поскольку критически проверяется. Иначе эта форма переходит в наивную, какова она, например, в легендах животного эпоса – человечески сложная психика, приписываемая животным. Самые типичные же наивные формы этой подстановки: всеобщий анимизм, поэтическое одухотворение природы, пантеизм и панпсихизм.

2. *Подстановка «физического» под «психическое».* Примером является первобытный анимизм в тех случаях, когда душа понимается как нечто «материальное» или как простое повторение тела. Сюда же относится материализм Демокрита, Эпикура, Бюхнера и др. Такая подстановка, считает Богданов, имеет только наивные формы.

3. *Подстановка «физического» под «физическое».* Имеются в виду «механические» теории света, теплоты, теории электрических и магнитных жидкостей. По Богданову, все они при современном развитии науки относятся к наивным.

4. *Подстановка «метафизически неопределенного» под «физическое» и «психическое».* Классический пример – это «вещь в себе» («непознаваемая» или «познаваемая смутно»), принципиально отличающаяся от явления, но составляющая его причину (сенсуалисты, материалисты типа Гольбаха, кантианцы, Спенсер и др.). Формы такой подстановки противоречивы и поэтому наивны.

5. *Подстановка «эмпирически неопределенного» под «физические, неорганизованные процессы»:* теории, стремящиеся к «чистому описанию» в абстрактно-монистических схемах и признающие «объективный» характер фактов, подлежащих описанию (большинство естественнонаучных теорий). Далее Богданов делает оговорку: «Эмпириомонизм отрицательно определяет “неопределенные” под-

ставляемые комплексы как неорганизованные (не абсолютно, а только относительно) и тем ставит эту подстановку в одну цепь с подстановкой “психического” под “физиологическое”. Этим дается принципиальная возможность исследования генезиса жизни, физиологической и психической (происхождение более организованного из менее организованного)» [4, с. 129].

Таким образом, мы можем сделать заключение, что метод подстановки применяется везде, где необходимо объяснение наблюдаемого. Без нее можно только «описывать», что и как происходит, но ничего нельзя объяснить. Это относится как к жизни в целом, так и к науке в частности. Именно поэтому Богданов делает вывод о «всеобщем» характере метода подстановки.

Нам же хотелось обратить внимание еще на один интересный момент. На наш взгляд, теория познавательной подстановки Богданова вполне перекликается с феноменологической концепцией символической аппрезентации.

А. Шюц в своей работе по социальной феноменологии, рассуждая о трансцендентности Природы и Общества, приходит к следующему выводу: «…в обыденном мышлении повседневной жизни мы просто знаем, что Природа и Общество представляют некоторого рода порядок; сама же сущность этого порядка для нас не постижима. Она раскрывает себя лишь в образах аналогового схватывания. <…> Формируются средства, позволяющие схватывать не дающие нам покоя феномены, выходящие за границы мира повседневной жизни, подобно тому, как мы схватываем в нем знакомые нам феномены. Это достигается за счет создания аппрезентативных соотнесений высшего порядка, которые будут здесь названы символами…» [5, с. 499–517]. Другими словами, речь идет о своего рода символизации или, говоря точнее, о символической аппрезентации. Шюц формулирует следующее определение символа: это «аппрезентативное соотнесение высшего порядка, в котором аппрезентирующим членом пары является объект, факт или событие в реальности нашей повседневной жизни, а другой, аппрезентируемый член относится к идее, трансцендирующей за рамки нашего опыта повседневной жизни» (Там же). Говоря проще, речь идет о том, что какой-либо объект, событие или факт, входящий в реальность нашей повседневной жизни, соединяется в пару (аппрезентируется) с идеей, выходящей за рамки нашего переживания своей повседневной жизни. Как нам кажется, взаимосвязь с подстановкой Богданова прослеживается очень ясно. Другое дело, что он практически не говорит о символах, однако все-таки одну его формулировку мы можем привести в подтверждение нашей точки зрения. В «Философии живого опыта» автор пишет: «Схема подстановки произошла из отношения между <…> символами и тем, что символизируется» [3, с. 242].

Шюц выделяет два вида «аппрезентативных соотнесений»: во-первых, те, которые «универсальны» и могут использоваться для символизации в силу своей «укорененности» в условиях человеческого существования; во-вторых, развивающиеся разными культурами в разные исторические периоды. Для нас важным здесь является то, что Шюц утверждает и рассматривает символическую аппрезентацию так же, как и Богданов подстановку, как пронизывающую всю человеческую действительность на разных этапах исторического развития, начиная первобытным мифологическим мышлением и заканчивая более «современными» «символическими системами», такими как религия, наука, искусство, философия, политика.

По мнению Шюца, его определение символа как аппрезентативного соотнесения не только совместимо с открытиями целого ряда мыслителей (Кассирер, Уайтхед и др.), но и подтверждается ими. Чтобы проиллюстрировать ту роль, которую играет символ в человеческом обществе, Шюц в конце своего исследования приводит цитату из книги «Новая наука о политике» австро-американского философа и политолога Эрика Фёгелина: «Человеческое общество не просто факт или событие внешнего мира, которое наблюдатель мог бы изучать подобно природному явлению. Хотя оно и имеет в качестве одной из важных своих составляющих внешнее бытие, в целом оно представляет собой маленький мир, микрокосм, освещаемый изнутри смыслом благодаря людям, которые постоянно создают и носят его в себе как способ и условие своей самореализации. Он освещается благодаря сложному символизму, характеризующемуся разной степенью плотности и дифференциации – от обряда и мифа до теории… Самоосвещение общества через символы есть неотъемлемая часть социальной реальности – и можно даже сказать: самая что ни на есть существенная ее часть, ибо благодаря такой символи-

зации члены общества переживают ее как нечто большее, нежели случайность или удобство; они переживают ее как нечто, относящееся к самой их человеческой сущности. И наоборот, символы выражают переживание того, что человек в полной мере становится человеком благодаря своему участию в целом, которое превосходит его частное существование» [5, с. 499–517].

По нашему мнению, эти слова, которые были написаны спустя несколько десятилетий после смерти Богданова, можно считать некоей концентрацией того смысла, который содержится в работах русского философа о сознательном единстве человеческого общества, представляющего собой нечто гораздо большее, чем простой набор материальных, внешних «производственных» факторов. Все-таки определяющую роль в этом единстве он отводит «духовному», «культурному» компоненту, частью которого в какой-то мере и является универсальная подстановка, если рассматривать ее с точки зрения символизации, как мы это и сделали.

Литература

1. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов : в 3 кн. М. : АИРО-XX, 1990. Кн. 3.
2. Богданов А.А. Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма. М. : Звено, 1910.
3. Богданов А.А. Философия живого опыта. М. : Гос. изд-во, 1920.
4. Богданов А.А. Эмпириомонизм. М. : Республика, 2003.
5. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004.

Elements of phenomenology in the conception of "cognitive substitution" by A.A. Bogdanov

There are analyzed the basic statements of the cognitive method of "universal substitution" developed by a Russian philosopher A. Bogdanov in connection with the phenomenological theory of "symbolic appresentation".

Key words: *A.A. Bogdanov, cognitive method, substitution, formal logic, phenomenology, A. Schutz, appresentative connection.*

С.В. АРХИПОВ
(Волгоград)

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ РЕНЕ ЖИРАРА И ДИАЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Проведен анализ связей между концепцией культуры Рене Жирара и диалогическим мышлением, как представлено в работах М. Бубера и Г. Марселя. Констатируется, что насилие, распространяющееся посредством мимесиса, может являться следствием «монологической» установки восприятия другого в качестве «оно». Рассматривается роль диалогического мышления в преодолении распространяющегося посредством мимесиса насилия.

Ключевые слова: *диалогическое мышление, любовь, мимесис, насилие, жертвоприношение.*

В философии культуры существует множество теорий, так или иначе объясняющих сущность ее кризисных состояний. Однако одни из этих теорий ограничиваются, в сущности, лишь критикой наличной ситуации (например, Ж. Бодрийар), другие пытаются выявить генезис культуры и культурных кризисов (Р. Жирар и др.), третьи – обосновать возможные пути выхода из сложившихся кризисных ситуаций, исходя из идей обновленной социальной философии, как, например, парадигма коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса. Диалогическая философия предлагает свой взгляд на культуру, основанный на приоритете совместного, диалогического существования человека перед его индивидуальным существованием.

В данной статье предпринимается попытка наметить точки соприкосновения концепции культуры Р. Жирара и диалогического мышления, как оно представлено в работах М. Бубера и Г. Марселя. Речь идет о попытке связать проблему миметического насилия и его преодоления с двумя основными установками мышления, раскрывающимися в работах указанных философов-диалогистов.

Р. Жирар в своей первой крупной работе «Насилие и священное» изложил оригинальную концепцию преодоления жертвенного кризиса посредством жертвоприношения. Жертва используется как канализатор насилия, при этом она должна быть похожа на объект замещения, но не сливаться с ним, это важное условие [5, с. 55]. Формируется так на-

© Архипов С.В., 2013